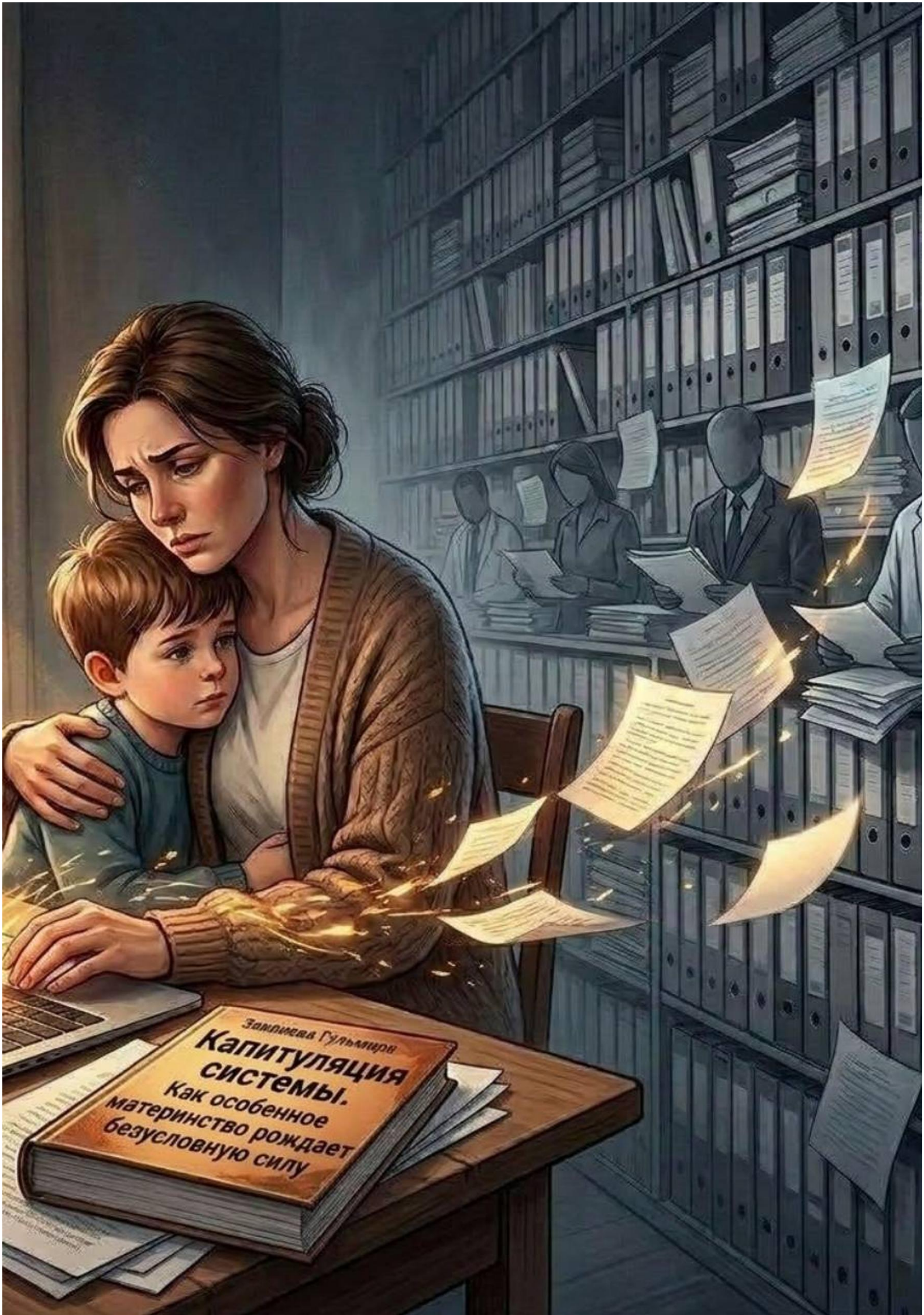

Зампиева Гульмира
Капитуляция системы.
Как особенное материнство рождает безусловную силу

Гульмира Закриева

КАПИТУЛЯЦИЯ СИСТЕМЫ
Как особенное материнство рождает безусловную силу

«Автор»
2026

Закриева Г. О.

КАПИТУЛЯЦИЯ СИСТЕМЫ Как особенное материнство рождает безусловную силу / Г. О. Закриева — «Автор», 2026

Что делать, когда за законное право твоего ребенка на помощь и развитие приходится не просить, а воевать? Когда вместо сочувствия и поддержки ты натыкаешься на «стеклянные» взгляды, закрытые двери кабинетов, подлог в документах и глухую стену круговой поруки?Эта книга родилась не в тишине уютного писательского кабинета. Она выстрадана в холодных больничных коридорах, оплачена слезами отчаяния и выкована из стального решения матери защитить свое дитя вопреки всему.Автор книги — практикующий психолог, педагог и мама особенного сына — честно и без прикрас рассказывает о своем пути: от растерянной женщины, кричащей в телефонную трубку от бессилия, до Мамы-Львицы, перед спокойной и юридически безупречной правотой которой капитулирует бездушная государственная машина.

© Закриева Г. О., 2026
© Автор, 2026

Гульмира Закриева
КАПИТУЛЯЦИЯ СИСТЕМЫ
Как особенное материнство рождает безусловную силу

КАПИТУЛЯЦИЯ СИСТЕМЫ
Как особенное материнство рождает безусловную силу
ВВЕДЕНИЕ
Урок человечности, который вы прогуляли

Я хочу начать эту книгу с одной притчи. Это не древняя легенда из пожелтевших книг и не чужая, заимствованная мудрость. Это притча, которую я, как педагог с многолетним опытом и как мама, соткала из собственных слез, бессонных ночей, проведенных у детской кроватки, и встреч с пустотой. Я выносила её, часами стоя перед очередными закрытыми дверями высоких кабинетов, судорожно сжимая в руках беспомощные, ледяные справки.

Представьте себе школьный класс. Самый обычный, полупустой класс, замерший в предвечерней тишине. На стенах в строгих деревянных рамах висят портреты великих ученых, писателей и первооткрывателей — тех, чьи имена стали синонимами человеческого гения. В воздухе отчетливо пахнет мелом, старыми учебниками и полированным деревом парт — этот ни с чем не сравнимый, щемящий запах детства, который каждый из нас носит в закоулках своей памяти.

В класс тихо, почти невесомо заходит седая, маленькая, старенькая учительница. Время безжалостно согнуло её некогда прямые плечи, и она идет медленно, тяжело опираясь на потертую деревянную трость. Каждый её шаг отдается негромким, отчетливым стуком в абсолютной, звенящей тишине кабинета.

А слева и справа, за маленькими школьными партами, рассчитанными на детей, сидят взрослые. Солидные, очень важные, облеченные колоссальной властью люди. При появлении старой женщины они один за другим начинают подниматься со своих мест. Среди них — министры в безупречно отглаженных дорогих костюмах, знаменитые хирурги, чье слово звучит как неоспоримый приговор, строгие, неподкупные судьи, крупные чиновники федеральных ведомств и директора крупнейших банков с золотыми часами, тяжело поблескивающими на запястьях.

Всех этих чиновников и важных людей когда-то, много лет назад, еще робких, неумелых и чистых, вела за руку эта самая учительница. Это она когда-то терпеливо учила их выводить самые первые, неровные буквы в косых тетрадях. Это она часами объясняла им, маленьким, что такое настоящее добро, что значат сострадание, милосердие и человеческая честь. И вся их нынешняя власть, все их высокие посты, роскошные автомобили и статус — это лишь надстройка. Хрупкая, временная надстройка над тем мощным человеческим фундаментом, который когда-то заложил в них этот скромный, усталый педагог.

Я — тоже педагог и психолог. Моя профессия, которой я отдала лучшие годы жизни, научила меня одной критически важной вещи: всегда, при любых обстоятельствах, видеть в каждом взрослом, зачерствевшем человеке того самого маленького, искреннего ребенка, которым он когда-то был. И каждый раз, когда я в очередной раз заживо замерзаю в холодном коридоре очередного государственного учреждения, пахнущем дорогой кожей, казенным линолеумом и абсолютным безразличием, происходит одно и то же. Когда передо мной в упор захлопывают тяжелые двери, когда мне присылают очередную бездушную, пустую отписку на официальном бланке, я заставляю себя не злиться. Я смотрю на реального человека, сидящего в глубоком кожаном кресле, и думаю: «Ведь вас всех тоже когда-то учила такая же учитель-

ница, как я. Вас воспитывала, оберегала от первых жизненных болезней, качала на руках и ночами тихо плакала от усталости и любви точно такая же любящая мама, как я».

Так кто же, на каком этапе взрастил вас такими поразительно равнодушными? На каком именно повороте вашей сытой, успешной и благополучной карьеры, в каком конкретно коридоре власти вы растеряли, растоптали все то, чему вас так бережно учили за школьной партой? Какая сухая должностная инструкция, какой внутренний, утвержденный сверху регламент или параграф безликого постановления смог полностью, дотла выжечь из вашей груди живое человеческое сердце? Что превратило вас, когда-то живых детей, в глупых, механических винтиков этой гигантской, бездушной бюрократической машины?

В философии существует глубокое понятие — духовный кризис общества. О нем написано множество трактатов. Но самый страшный, самый гибельный кризис, с которым сталкивается обычный человек — это профессиональное выгорание человечности. Это страшная трагедия тридцать первого дня, отведенного законом на официальный ответ. Чиновники научились виртуозно, мастерски прятаться от чужого горя за безликими, мертвыми электронными строками. Механическое «копировать-вставить» заменило им сочувствие.

Эта книга родилась не в тишине уютного писательского кабинета. Она родилась в абсолютной, разрывающей легкие точке несправедливости. Когда моему ребенку поставили диагноз, я пришла просить законное направление на инвалидность. По закону государства, по всем медицинским показаниям я была абсолютно, безоговорочно права. Но Система решила иначе. Мелкие исполнители на местах прикрылись выдуманным внутренним регламентом, цинично и незаметно нарушая права беззащитного малыша. Я не сдалась — я решила бороться до конца, пошла выше, пробилась на федеральный уровень, свято веря, что там, наверху, сидят те самые люди, которые помнят уроки человечности. Но в ответ из высоких кабинетов я получила лишь очередную сухую, мертвую отписку.

Я до сих пор помню этот страшный момент. Момент, когда я поймала себя на том, что стою посреди комнаты, сжимая в руке телефон, и сквозь жгучие, душащие слезы в ярости и полном бессилии кричу в трубку какому-то невидимому, глухому исполнителю на том конце провода. Я кричала о правах ребенка, о законе, о справедливости, а в ответ слышала лишь холодный, механический голос, зачитывающий пункты инструкций. В тот день Система праздновала свою очередную мелкую победу над плачущей матерью. Но именно в ту секунду, из этих слез и крика отчаяния, внутри меня родилась иная сила.

Я поняла: кричать на глухую стену бесполезно. Слезы — это топливо для их равнодушия. Систему нельзя перекричать, её можно только заставить капитулировать. Заставить силой интеллекта, железобетонным знанием законов и абсолютной ментальной уверенностью.

Вот тогда и родилась эта книга - не просто моя личная история, не просто исповедь. Мой собственный, тяжелый путь мамы особенного сына уже пройден. Он полностью выстрадан, выплакан и подробно описан на страницах моей первой книги. Сегодня я здесь не для того, чтобы пересчитывать старые обиды, предъявлять претензии или жаловаться. Эта книга — нечто гораздо большее. Это масштабный, честный философский манифест. Это моя отчаянная попытка провести для нашей огромной, оглушительно глухой государственной системы тот самый главный, фундаментальный урок, который многие из тех, кто сегодня сидит в кабинетах, очевидно, просто прогуляли в школе. **Урок человечности.**

Мы с вами живем в странном, пугающем, глубоко перевернутом мире. В мире, где уставшая, измотанная бесконечными операциями, реабилитациями и бессонными ночами мама особенного ребенка вынуждена против своей воли становиться юристом, въедливым следователем и жестким прокурором. Она вынуждена изучать законы, зубрить сложные медицинские коды, параграфы и правила лучше, чем целые профильные министерства. И всё это — просто для того, чтобы её больного ребенка вообще заметили в системе. Мы живем в мире, где за законное право особого ребенка на элементарную, базовую реабилитацию и медицинскую помощь

приходится не просто просить — за него приходится воевать. Воевать каждый день, разбивая в кровь голову о глухие, монолитные стены чиновничьего равнодушия.

Я пишу эти страницы, чувствуя колоссальную ответственность. Я пишу их для двух огромных, полярных миров, которые сегодня волею судьбы оказались по разные стороны этого страшного, непроницаемого бумажного занавеса.

В первую очередь я обращаюсь к вам, мамы. К тем из вас, кто прямо сейчас, читая эти строки, сидит у постели больного ребенка. К тем, кто до боли сжимает в руках распухшие медицинские карты своих детей и глотает горькие слезы от очередного холодного, брошенного в лицо: «Не положено по регламенту». Я хочу обнять каждую из вас через этот текст. Я хочу подарить вам опору, стать вашей стеной. Ваш крик отчаяния, ваши ночные слезы и ваша глухая ярость в телефонных трубках министерств — это не потеря контроля. Это не женская истерика, как любят говорить в кабинетах. Это высшее, чистейшее проявление вашей материнской силы. Это страшный звук рушащейся внутренней стены, которую вы изо всех сил пытаетесь спрятать от нас, чтобы защитить своего ребенка...

И одновременно с этим я обращаюсь к вам — люди в белых халатах и строгих темных костюмах. Я хочу, чтобы вы, несмотря на должности, вспомнили, каково это — чувствовать. Просто чувствовать чужую боль. За каждым входящим номером на вашем рабочем столе, за каждой очередной папкой дела стоит не безжизненная бумага. Там, за этими сухими цифрами, бьется живая, пульсирующая, хрупкая человеческая судьба. Там стоят наши дети. Наши живые дети, у которых вы своим молчанием, своим бездействием и профессиональной трусостью крадете самое дорогой и невосполнимый ресурс — драгоценное время на развитие.

Давайте хотя бы на время чтения этой книги закроем двери кабинетов. Давайте отложим в сторону сухие параграфы законов, циркуляры и отчеты. Давайте просто вспомним те самые первые уроки, с которых когда-то начиналась наша с вами жизнь. Потому что в конце нашего земного пути, когда закроется последняя книга жизни, с каждого из нас спросят не за идеальные отчеты и вовремя сданные отчеты. С нас спросят за то, смогли ли мы, проходя через коридоры власти и соблазны сытой жизни, сберечь в себе Людей.

Добро пожаловать на урок, который больше никому и никогда нельзя прогулять.

РАЗДЕЛ I. СТОЛКНОВЕНИЕ С БЕЗЛИКОЙ МАШИНОЙ

ГЛАВА 1. Синдром маленького стула, или Вершители картонных миров

Часть 1. Диплом ради сына и рождение бережности

Говорят, что высшее образование и профессия выбирают человека задолго до того, как он переступит порог университета. Я получала свой диплом психолога не ради престижа, не ради строчки в резюме и не для того, чтобы повесить красивую рамку на стену уютного кабинета. Я получала его ради своего сына. Когда в твой дом приходит диагноз, твой мир не просто раскалывается — он аннигилирует. И в этот момент ты понимаешь: чтобы спасти своего ребенка, тебе мало быть просто любящей мамой. Тебе нужно стать экспертом. Тебе нужно понять, как устроена человеческая психика, как защитить ментальное здоровье своей семьи и где искать скрытые ресурсы организма, когда врачи лишь разводят руками.

Но диплом — это всего лишь бумага. Ни один, даже самый лучший профессор в мире не расскажет тебе на лекции, что делать, когда теория сталкивается с леденящей кровь практикой.

Я до сих пор помню те ночи, когда комната сына внезапно превращалась в зону боевых действий, где врагом был невидимый, подлый страх. Панические атаки у ребенка — это зрелище, которое способно мгновенно выжечь душу любой матери. Когда твой малыш, еще вчера весело смеявшийся, вдруг начинает задыхаться от безотчетного ужаса, когда его маленькое тело бьет крупная дрожь, а в расширенных зрачках застывает немой крик о помощи, всё твое академическое превосходство испаряется. В эти минуты я сама забывала, как дышать. Паника накатывала удушливой волной, парализуя мысли. Моё сердце билось в том же безумном, рваном ритме, что и его. Я прижимала его к себе, качала, шептала бессмысленные слова, а

внутри меня кричал раненый зверь: *«Где же твои знания, эксперт? Почему твои умные книги не могут остановить эту боль прямо сейчас?»*.

Именно из этого ада, из этих минут полного, звенящего бессилия и родилась моя личная **философия бережности**. Я поняла, что в кризисе нельзя воевать. Нельзя ломать себя и ребенка через колено, пытаясь соответствовать жестким медицинским стандартам или чужим ожиданиям. Бережность — это не слабость. Это железобетонное решение защитить хрупкий внутренний мир своего ребенка от любого внешнего давления, будь то косые взгляды прохожих или жесткие тиски государственной машины. Я приняла осознанное решение пройти глубокую переподготовку, перестроить всю свою практику и направить весь свой интеллект на одно: создание системы ментальной безопасности для тех, кто столкнулся с системной несправедливостью.

Часть 2. Коридорные хроники: Упущенное время и чужие уроки

Каждый раз, когда я приходила в казенные учреждения, я попадала в один и тот же замкнутый круг. Больничные коридоры — это отдельное государство со своими законами, своим климатом и своей непередаваемой атмосферой тихого, законсервированного горя. Здесь люди не живут, они ждут. Ждут часами, неделями, годами.

В один из таких дней я сидела на жестком пластиковом сиденье у кабинета, где решалась судьба очередных квот. Напротив меня сидела женщина. Даже в этом унылом пространстве она выделялась безупречной, почти стальной осанкой. Застегнутый на все пуговицы жакет, аккуратный пучок седеющих волос, строгие очки. В её фигуре безошибочно угадывался педагог со стажем — из тех, перед кем замолкают самые шумные классы. Рядом с ней сидел мальчик, который безучастно смотрел в стену.

Мы разговорились. В таких коридорах люди часто сбрасывают маски — слишком тяжело нести этот груз в одиночку. Я не стала представляться, не сказала, что я психолог. И она, тяжело вздохнув и на мгновение потеряв свою строгую выправку, опустила голову на бледные руки.

— Я ведь всю жизнь отдала школе, — тихо, с надрывом произнесла она. — Тринадцать лет у доски. Проверяла тетради до трех ночи, горела на работе, бежала на открытые уроки, требовала от чужих детей идеальных показателей. Я служила системе честно, слепо, отдавая ей все свои силы. А на своего собственного сына времени всегда не хватало. Мне всё казалось: успеем, перерастет, выправится... Мне было некогда, да и, если честно, стыдно пойти оформлять ему инвалидность и просить помощи. Что скажут в коллегии? Как я, образцовый учитель, пойду просить льготы? Школа ждала от меня новых планов и отчетов, и я бежала туда, бросая своего ребенка на бабушек.

Она подняла на меня глаза, полные горьких, сухих слез:

— И вот теперь мы здесь. Время упущено. Врачи говорят, что если бы мы обратились года на три раньше, всё можно было исправить. Я поняла, что отдала свою жизнь чужим детям и чужим урокам. А самый главный урок в своей жизни — урок спасения собственного сына — я просто прогуляла. И самое страшное, понимаете? Этой системе, которой я преданно служила, совершенно плевать на мою беду. Для министерства мой ребенок — просто неудобная строчка, которую они пытаются вычеркнуть из своих красивых отчетов. Они смотрят на меня через окошко и говорят: «Не положено по регламенту».

Я смотрела на неё и видела в ней отражение тысяч матерей, которых Система сначала использует, выпивая все соки, а затем выбрасывает один на один с их бедой, прикрываясь внутренними инструкциями.

Часть 3. Анатомия «Маленького стула»

Почему это происходит? Каковы психологические корни этого феномена, когда живой человек, садясь в казенное кресло, мгновенно атрофирует в себе сострадание?

Каждый человек, столкнувшийся с государственной машиной, рано или поздно попадает в застрявший во времени мир казенных коридоров. Вы открываете тяжелую дверь учреждения, и первое, что бросается в глаза — это ряды одинаковых стульев вдоль стен. На этих стульях сидят люди. У них разные судьбы, разные беды, но сейчас их объединяет одно — покорное, робкое ожидание. Они смотрят на закрытые двери кабинетов снизу вверх. А за этими дверями, за безликим пластиком, сидят «боги», способные одним росчерком пера изменить их жизнь.

Но если пройти дальше и заглянуть в сам кабинет, вы увидите истинную картину. За столом, заваленным папками, сидит самый обычный человек. У него нет сверхспособностей, у него нет великого ума. Под ним стоит особый предмет — стул, дающий казенные полномочия. В психологии существует удивительный, очень точный феномен, который я для себя назвала **«эффектом маленького стула»**.

Стоит человеку получить хотя бы крошечную, самую незначительную власть — стать вахтером, который решает, пустить вас в здание или нет, секретарем в канцелярии или мелким исполнителем в отделении — как в его сознании происходит опасная, разрушительная метаморфоза. Этот стандартный офисный стул под ним внезапно начинает казаться ему королевским троном.

Мир такого человека мгновенно сужается до размеров его рабочего стола. Его горизонт планирования — это часы приема. Но его амбиции в этот момент взлетают до небес. Главным и, пожалуй, единственным оружием в его арсенале становится умение сказать три заветных слова: *«нет»*, *«не положено»* или *«мы так не делаем»*.

За этой внешней строгостью, за закрытыми дверями всегда скрывается глубокая внутренняя драма самого чиновника. Это классическая, хрестоматийная компенсация собственной неполноценности. Человек, который не реализовал свой потенциал в творчестве, который не чувствует себя счастливым и любимым дома, который не имеет подлинного, уважительного авторитета среди близких и друзей, отчаянно, до дрожи жаждет власти. Ему нужно доказать самому себе, что он существует, что он значим.

И когда государство выдает ему эту должность, этот «маленький стул» и синюю печать, он включает режим реванша. Он начинает отыгрываться на посетителях за все свои прошлые обиды, за несложившуюся жизнь и за собственную невидимость для большого мира. Для такого человека выдать вам документ за пять минут, вежливо ответить, подписать заявление или просто по-человечески помочь — это значит совершить психологическое самоубийство. Это значит «потерять свое величие». Им кажется, что если они сделают всё быстро, просто и по закону, они снова станут маленькими и серыми. Им жизненно необходимо побыть королями. Хотя бы пять минут. Хотя бы в границах своего кабинета.

Именно поэтому они хлопают дверями. Именно поэтому они заставляют уставших людей ждать положенные по регламенту дни, даже если вопрос можно решить за одну минуту. Именно поэтому они устраивают свои устные, незаконные «совещания» и «разборы» вместо выполнения прямых обязанностей. Это их извращенный способ почувствовать: *«Я управляю чужой жизнью. От моего настроения, от моего росчерка руки зависит судьба этого человека»*.

Но эта власть — картонная. Их трон — фальшивый, нарисованный. И держится этот трон до тех пор, пока в коридоре стоит робкий, испуганный посетитель, готовый умолять, плакать и заглядывать чиновнику в глаза. Машина бюрократии питается чужим страхом и чужой растерянностью.

Но всё меняется, когда к их трону подходит человек, который не боится. Когда перед «вершителем мира» появляется личность, вооруженная абсолютным спокойствием, знанием законов и несгибаемой силой духа. Если не спорить и не повышать голос, а просто включить свой интеллект, свой характер и твердо настоять на своем человеческом праве — картонная корона начинает сползать с их голов прямо на глазах.

Ваше спокойствие и грамотность повергают их в замешательство. Они не знают, что делать с человеком, который не подчиняется их казенному сценарию. Им приходится выйти из своей зоны комфорта, они зовут руководство, начинают искать спрятанные материалы, сами идут к ксероксу и от руки подписывают ваши бумаги.

В эту секунду происходит великая капитуляция системы перед Человеком. Ваш экземпляр с рукописной подписью должностного лица становится не просто юридическим документом — он становится трофеем. Чиновники из грозных, недоступных вершителей судеб в один миг превратились в обычных, растерянных людей, пойманных на собственном бессилии и нарушении регламентов.

Истинная сила никогда не кричит, не прячется за закрытыми дверями и не отгораживается от людей вертушками на вахте. Истинная сила — в праве защитить свои ценности, опираясь на чистую, задокументированную правду. А маленькие люди на маленьких стульях... они будут продолжать играть в своих картонных королей до тех пор, пока в их новый кабинет не зайдет настоящий Человек, готовый разрушить их иллюзию власти.

Голоса коридоров: Истории за закрытыми дверями

В бесконечных очередях под дверями кабинетов стираются все социальные границы. Там, на этих жестких стульях, мамы за пять минут рассказывают друг другу то, в чем не признаются даже близким родственникам.

Рядом со мной сидела молодая женщина, нервно сжимавшая в руках тонкую папку с выписками. Она приехала из дальнего района в пять утра, на перекладных, чтобы просто поставить одну печать для получения жизненно важного лекарства. Когда она зашла в кабинет, оттуда через минуту донесся раздраженный, металлический голос секретаря: *«Прием окончен, у меня обед через десять минут, приходите в следующий вторник»*. Женщина вышла в коридор бледная, с трясущимися губами. Она тихо опустилась на стул и прошептала мне: *«Я три месяца копила деньги на эту дорогу. Неужели ей так трудно потратить тридцать секунд, чтобы просто шлепнуть печать?»*

В другом углу коридора пожилая бабушка, воспитывающая особенного внука, с горечью рассказывала соседям, как инспектор заставил её переписывать заявление четыре раза из-за того, что она поставила галочку не в той клеточке. Каждый раз, глядя на этих сломленных, растерянных людей, я видела одну и ту же картину: маленький человек на своем казенном стуле упивался тем, что от его настроения сейчас зависит, уедет ли мать домой с лекарством или с пустыми руками.

Часть 4. Ваше оружие: Техники ментальной самообороны

Чтобы картонные короли не смогли выпить ваши силы в коридорах, вы должны входить туда во всеоружии. Вот две базовые психологические техники, которые обязана применять каждая мама.

Техника «Ментальный замок». Когда вы сидите напротив агрессивного или равнодушного чиновника, мысленно возведите вокруг себя стену из толстого, прозрачного, пуленепробиваемого стекла. Весь его злой тонус, крики, скрытые угрозы и отказы долетают до этой стены и со звоном разбиваются, падая на пол. Они не могут проникнуть внутрь вашего пространства и ранить ваше сердце. Вы находитесь в абсолютной безопасности.

Техника «Возвращение в тело». Если в казенном коридоре у вас перехватило дыхание и задрожали руки, плотно прижмите стопы к полу, почувствуйте опору. Сделайте вдох на 4 счета, задержите дыхание на 4 счета и медленно выдохните. Это переключит мозг из режима паники в режим холодного, осознанного контроля.

ГЛАВА 2. Конвейер масок и подлинное присутствие

Часть 1. Синдром стеклянного взгляда

Самое тяжелое испытание в стенах медицинских учреждений — это не необходимость выстаивать часы в очередях к профильным специалистам. Самое невыносимое — это столкновение со взглядом человека, который смотрит сквозь тебя. В практической психологии этот феномен называют деперсонализацией общения, но в реальной жизни больничных отделений он ощущается как физический, пронизывающий до костей холод. Ты заходишь в кабинет, несешь в руках свою кровоточащую реальность, растерзанное сердце и хрупкую надежду, а натыкаешься на отлаженный, глухой конвейер медицинского цинизма.

Почему люди, выбравшие когда-то самую гуманную профессию на земле — медицину, — со временем приобретают этот специфический стеклянный взгляд? Это не всегда врожденная черствость или злое намерение. Чаще всего это обратная сторона профессионального выгорания, жесткая защитная реакция перегруженной психики. Ежедневно через практику врача проходят десятки тяжелейших патологий, изломанных детских судеб и испуганных, плачущих родителей. Психика обычного человека просто не способна переварить и пропустить через себя такой колоссальный объем чужого горя, если сопереживать каждому пациенту искренне. И тогда включается автоматический механизм психологической защиты — тотальная эмоциональная отстраненность.

Врач за столом мысленно выстраивает между вами невидимую, но непробиваемую дистанцию. Он надевает маску функционального робота. В этот момент для него перестает существовать живой человек. Ваш ребенок для него — больше не личность. Это «клинический случай», «пациент с участка», сухой «шифр из Международной классификации болезней» или сложный диагноз в истории болезни — как угодно, только не живая, страдающая душа.

Вчерашний студент, мечтавший спасать жизни и совершать медицинские прорывы, превращается в автоматического исполнителя протоколов лечения. Такие специалисты искусно имитируют лечебный процесс, механически заполняют электронные карты, но на самом деле они полностью выгорели изнутри. В них нет сострадания, нет живой мысли, нет гибкости. И самое страшное — они искренне верят, что эти пустые глаза, эта мертвая холодность и есть истинный, высший врачебный профессионализм. Они смотрят сквозь тебя не потому, что ты в чем-то виновата. Они смотрят сквозь тебя, потому что если они посмотрят *внутрь* твоей боли, их собственный хрупкий внутренний мир расколется на куски.

Когда мать сталкивается с этим стеклянным взглядом, внутри неё происходит тихий бунт. Ты приносишь специалисту всю свою жизнь, измененную диагнозом ребенка, ты ждешь хотя бы капли человеческого тепла, а видишь лишь стену. Этот взгляд ранит сильнее, чем самый тяжелый медицинский вердикт, потому что он транслирует страшную вещь: «Вас и вашей боли для меня не существует». Но именно понимание психологической природы этого взгляда позволяет особенной маме не сломаться. Я начала понимать: передо мной не всесильный светило науки, а глубоко травмированный Системой человек, который просто спрятался в свой ментальный панцирь. С этого момента я перестала ждать от них чуда сочувствия. Я включила холодный разум и начала требовать профессионального выполнения их прямых обязанностей.

Часть 2. Седация: точка абсолютного равенства

Но больничные стены имеют особое, пронизывающее пространство, где этот конвейер масок мгновенно ломается под тяжестью обнаженной реальности. Одно из таких мест — стерильный блок перед дверями, за которыми ребенка вводят в медикаментозный сон или наркоз для проведения исследований МРТ, КТ или сложных полостных операций. Это пространство пахнет специфическим, въедливым запахом антисептиков, лекарств, кварца и тем особенным, ни с чем не сравнимым липким страхом, который выделяет кожа человека, замершего в шаге от неизвестности.

Когда тяжелая дверь операционного блока со стуком захлопывается, отрезая тебя от твоего ребенка, мир матери мгновенно сжимается. Из-за дверей глухо доносится ритмичный,

давящий, пугающий стук медицинского оборудования — звук, от которого внутри все сжимается. За этой дверью твой самый дорогой человек на свете остается один на один с пугающей неизвестностью, беспомощно лежа на жесткой кушетке. А ты остаешься снаружи. И это пространство — зона, где время течет по совершенно иным, мучительным законам. Минута растягивается в час, секунды превращаются в бесконечные удары пульса в висках, а в пустой тишине твой собственный внутренний голос начинает звучать оглушительно громко.

Я шла по этому блоку, и во мне боролись два человека: дипломированный психолог со всеми своими академическими знаниями и испуганная, растерянная мать, у которой земля уходила из-под ног. В эти минуты все умные книги, теории и терапевтические подходы казались бесполезными, блеклыми бумажками. Внутренний крик матери, чей ребенок сейчас находится под седацией, перечеркивал все знания. Мое тело было сковано напряжением, пальцы судорожно сжимали ремешок сумки, а мысли хаотично метались, рисуя самые страшные сценарии. Я была просто уязвимой женщиной, балансирующей на грани слез.

У самого окна сидела женщина. Перед ней на полу стояла сумка, к которой она даже не прикасалась. Её руки безжизнечно лежали на коленях ладонями вверх, словно она отдала миру всё, что у неё было, и теперь ждала приговора. Вся её поза транслировала такое глубокое, парализующее отчаяние, что к ней страшно было даже подойти. Это было не просто горе, это было абсолютное одиночество человека, застывшего на краю своей личной бездны. Я медленно пошла к ней, чувствуя, как шаги отдаются эхом от кафельного пола. Чужое страдание притянуло меня сильнее, чем мой собственный страх.

Наши взгляды встретились. И в её глазах я увидела то, чего так долго искала в больничных стенах — подлинное присутствие. В них не было маски, не было защиты. Там была чистая, живая, неограненная боль. Её не нужно было расспрашивать — абсурдное, глубокое и тихое присутствие говорило само за себя. Её не нужно было утешать дешевыми фразами в духе «всё будет хорошо», потому что в этих стенах такие слова звучат как оскорбление. Её нужно было просто разделить. В больнице мамы особенных детей мгновенно считывают друг друга. Нам не нужны долгие прелюдии, нам не важен социальный статус, возраст или то, как мы одеты. Нас объединяет общий диагноз, общая беда и общая, всепоглощающая любовь к своим детям.

— Первый раз на седацию? — негромко, без лишних предисловий спросила она. Её голос звучал тихо, как будто она боялась спугнуть ту хрупкую тишину, которая удерживала её от крика.

— Да, — едва слышно выдохнула я, чувствуя, как горячо запылали глаза от подступивших слез. — А вы?

— Нас оставили здесь до вечера... — ответила она, переводя взгляд на большую операционную. — Нам не привыкать. Но сколько бы раз мы это ни проходили — каждая операция проживается как самая первая в жизни. Каждый раз ты умираешь и рождаешься заново вместе со своим ребенком.

В этих словах не было жалости к себе. В них была колоссальная, звенящая сила. Сила матери, которая приняла свою судьбу и научилась стоять в эпицентре бури с поднятой головой. Мы сидели рядом, плечом к плечу, две абсолютно разные женщины, объединенные одной, самой большой в мире любовью и самым большим в мире страхом. И в это мгновение больничное пространство перестало быть враждебным. Оно стало местом нашей силы. Мы молчали, но это молчание было глубже и терапевтичнее сотен часов психологических бесед. Мы держали невидимый внутренний фронт, посылая всю свою любовь и силу туда, за тяжелые двери, где наши дети боролись за жизнь. Это молчаливое сопереживание лечило лучше любых слов. Ты понимаешь, что ты не одна в этой вселенной, что рядом сидит такой же воин, готовый стоять до конца.

Голоса коридоров: Разговор о «стеклянных» глазах

В больничном буфете, где пахнет дешевым чаем и усталостью, ко мне за столик подсела мама четырехлетнего мальчика. У неё были глубокие тени под глазами, но удивительно прямой, ясный взгляд. Мы разговорились о том, как тяжело пробиваться сквозь равнодушие профильных комиссий.

— Знаешь, что меня убивает больше всего? — тихо сказала она, размешивая сахар. — Не сам диагноз сына. Я с ним смирилась и научилась жить. Меня убивает то, как на нас смотрят в кабинетах. Вчера мы были у специалиста. Я пытаюсь объяснить, что у ребенка начались приступы, что нам срочно нужна корректировка терапии, а доктор даже головы от клавиатуры не подняла. Она просто монотонно печатала шаблон, а потом распечатала лист и сунула мне: «Следующий». Она даже не посмотрела на моего ребенка! Для неё он просто строчка в электронной базе, за которую ей начислят баллы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.